

Тѣ люди, которые думаютъ противъ шерсти и воображаютъ, что религія состоитъ въ обмѣнѣ между молящимися и Богомъ—поклонами съ одной стороны и «чудесами» съ другой стороны—эти люди попросту суевѣруютъ. Они болыи своей вѣрою въ чудеса и отъ этой болѣзни ихъ слѣдовало бы «исцѣлить»; истинно же религіозные люди никогда не вѣруютъ, (въ «нашемъ» смыслѣ этого слова), но въ жизни руководствуются религіознымъ отношеніемъ къ міру, къ людямъ и къ самимъ себѣ.—Полноты такого отношенія сейчасъ и не хватаетъ у насъ въ обществѣ, въ народѣ, въ мірѣ—и вотъ почему наши святыя лозунги о братствѣ, свободѣ и равенствѣ гниютъ въ архивахъ политическихъ партій, стѣздовъ, конгрессовъ, конкордатовъ, директорій, парламентовъ, кабинетовъ и прочихъ мѣсть словесной жвачки.

Современные христіанскіе слои, которые изъ всего евангелія помнятъ только одинъ эпизодъ—какъ Христосъ выгналъ мѣняльщиковъ изъ храма,—которые цѣлко держатся за этотъ эпизодъ и не стѣсняются, цитируя его, оправдывать всѣ акты насилій вплоть до убійства и смертной казни, которые, кромѣ этого эпизода, *ничего* не знаютъ изъ евангелія,—эти христіане, въ сущности, представляютъ собою аморфную массу, подобострастно извивающуюся и видоизмѣняющуюся въ зависимости отъ общихъ политическихъ хищническихъ движеній.

Но всегда прямъ, стоекъ и смѣлъ только тотъ, кто слѣдуетъ единому закону совѣстливаго разума и всепокоряющей и потому всепобѣждающей любви. Всѣхъ этихъ царей, премьеровъ, монарховъ, президентовъ, гетмановъ Вильгельмовъ вторыхъ и Николаевъ десятыхъ, и прочихъ сидящихъ на тронѣ въ коронѣ—любая кучка недовольныхъ можетъ смести съ высоты ихъ «величія». Но религіозно правящаго своею жизнью чловѣка—никакая сила не свергнетъ съ его престола.

IX.

«Свобода достигается не исканіемъ свободы, а исканіемъ истины. Свобода не цѣль, а послѣдствіе.
Л. Толстой.

«Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и физической природѣ, и, живя такую жизнью, хотимъ быть свободными».

Л. Толстой.

«Тотъ, кто скажетъ: «я не хочу быть военнымъ», «мнѣ нѣтъ дѣла до суда», «полиции мнѣ не надо», «я не буду дѣлать ничего такого, что могло бы нарушить мой внутренній миръ» и «если я отъ этого пострадаю, то ничто такъ не умиротворитъ меня, какъ это страданіе»,—тотъ будетъ истиннымъ христіаниномъ».

Ницше.

Въ эпоху Романовскаго гнета нашъ народъ не зналъ счастья, такъ какъ русская внутренняя политика нашихъ придворныхъ помпадуровъ ничего не вѣдала, кромѣ насилій и кровавыхъ расправъ. Не знаемъ мы этого счастья и сейчасъ, потому что нынѣшняя націоналистическая и «партійная» политика, нынѣшняя паническая борьба классовъ, построенная на взаимоуничтоженіи и вандализмѣ, естественнымъ образомъ тащитъ за собой на буксирѣ страшный историческій грузъ—*духовный* развалъ народа.